

Сороковиков-Магай Егор Иванович

Сказки Магая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Е30

Е30 **Егор Иванович С.**
Сказки Магая / Сороковиков-Магай Егор Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
375 с.

ISBN 978-5-519-74994-7

ISBN 978-5-519-74994-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

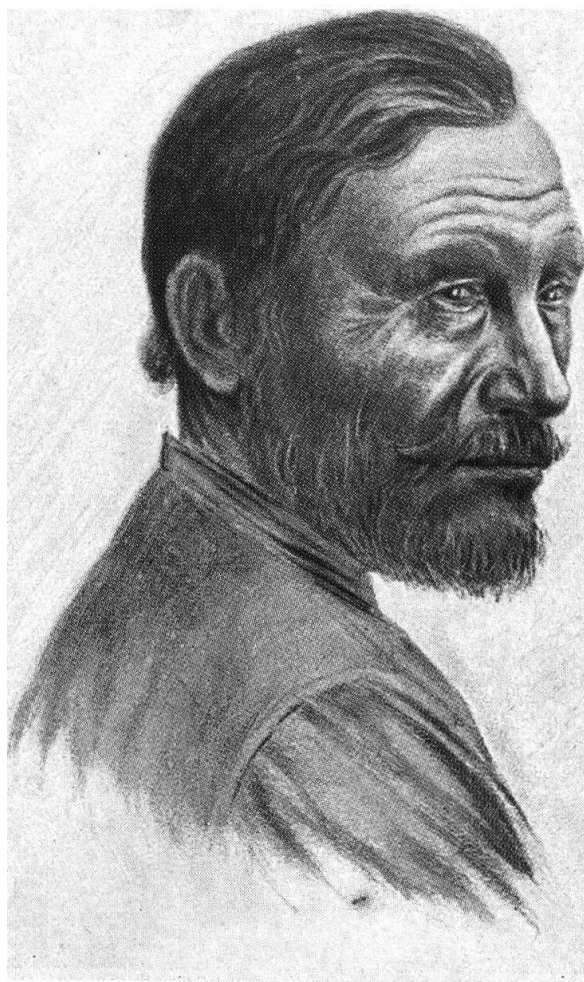
Восточной Сибири)), отделены от записей Л. Элиасова очень незначительным промежутком времени и учтены только (в некоторых случаях) в комментариях. Такая параллельная публикация текстов одного и того же сказочника вносит в фольклористику и литературоведение чрезвычайно ценный материал, дающий возможность следить за тем, как преобразуется один и тот же сюжет в устах одного мастера, какие разные задачи ставит он перед собой в разные периоды, как эволюционирует стиль сказочника на протяжении ряда лет и как, наконец, отражаются в его творчестве великие события нашей эпохи.

Большой интерес представляют повторные записи и для изучения стиля и языка сказочника, однако в данном случае это несколько затруднено тем обстоятельством, что методы прежних записей и записей Л. Элиасова несколько отличны. Последний, при весьма точной передаче сюжета и всего его изложений, опускает иногда кое-какие особенности синтаксической структуры и некоторые важные фонетические и морфологические моменты, что определенно выясняется при сравнении отдельных его текстов с почти одновременно записывавшимися текстами А. Гуревича.

Но эти неточности, в общем, весьма незначительны, и разный характер текстов следует объяснить, главным образом, эволюцией самого сказочника. Стиль Е. И. Сорокикова, его манера рассказывать, как и особенности его произношения заметно изменились за десять лет (и особенно за два-три последних года). Наблюдавший творчество Е. И. Сорокикова в течение четырех последних лет А. Гуревич констатирует, что «каждое новое посещение Сорокиковым городского центра оказывает большое влияние на различные стороны его творческой работы сказочника, в первую очередь своеобразно отражаясь на его языке, во многом приближающемся в его сказках к разговорно-литературному языку» («Русские сказки Восточной Сибири», стр. 309). Это обстоятельство и позволило Л. Элиасову пренебречь при записи теми особенностями речи Сорокикова, которые уже не характерны для его теперешней манеры в целом и являются у него как бы некоторым пережитком. Его сказки в настоящем виде уже не могут характеризовать, например,

говора тункинцев, тогда как записи 1925—1927 годов весьма типичны для местного говора. При передаче его текстов этой поры сохраняются, конечно, не все особенности его произношения, а только наиболее характерные и наиболее существенные, устранить которые значило бы разрушить всю звуковую окраску его речи. Встречающаяся иногда непоследовательность при передаче тех или иных особенностей объясняется не неточностью записи, а действительным сосуществованием в речи сказочника различных форм произношения, что вообще характерно для сказителей, а тем более для сказителей, подвергшихся в той или иной форме влиянию культуры города и книги. У Е. И. Сорокикова это особенно ярко проявляется, так как он всегда принадлежал к более культурному слою среди своих односельчан: он хорошо грамотен, любит читать и сравнительно много читал, часто бывал в городах и общался с горожанами и до революции.

В текстах, записанных Л. Элиасовым, наблюдается также не свойственное ранее сказочнику стремление к сжатости, иногда даже к некоторой схематизации сюжета, к сокращению «общих мест», обязательных повторений и пр., — это, несомненно, следует поставить в связь с его сказительской практикой последних лет: частые выступления в городских аудиториях, необходимость считаться с определенными временными рамками, наконец, учет особенностей новой аудитории, несомненно, сыграли здесь крупную роль и повлияли на внешнюю форму его сказок.

Е. И. Сороковиков

СКАЗОЧНИК ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЫ

I

Мудрый совет Гете: «*Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen*» («кто хочет понять поэта, должен отправиться в землю поэта»), нигде, пожалуй, не оправдывается с такой силой и убедительностью, как в фольклоре. Огромным количеством нитей связано творчество сказочников и сказителей с окружающей средой, природой, бытом. Образы и мотивы сказок, многие сюжеты зарождаются в глубокой исторической дали; в каждой сказке хранятся мотивы, общие многим народам, а чаще всего — человечеству в целом. И эпос и сказка — международны; но общие международные мотивы и сюжеты являются перед нами в различных национальных формах, отражая все своеобразие определенной национальной культуры. Вместе с тем каждый сказочник тесно связан и со своим краем, отражая в своем творчестве разнообразные особенности местной природы, местного быта и местной художественной традиции. В пределах русской сказочной традиции мы отмечаем различные типы сказок и говорим о сказке беломорской, онежской, уральской, печорской, волжской, южнорусской, сибирской. Эти местные особенности и различия проявляются не только в старых, но и в новых сказках и новых эпических поэмах.

Беломорский рыбак Коргуев, волжский колхозник Ковалев, сибирский охотник Сороковиков — все они воодушевлены одними мыслями и чувствами, все они одинаково сильно любят свою родину — великий и целостный Советский Союз, — одинаково восхищены героикой советской действительности, но каждый из них передает это единство в образах, в которых отчетливо выражены местный колорит и местное своеобразие.

Чем ярче, чем талантливее сказочник, чем сильнее связан он со всей страной и всем народом, тем сильнее и резче ограждаются в его сказках и специфические черты его края; последние же, как это уже отмечалось исследователями, не только придают бытовую окраску, но и являются источниками новых чудесных комбинаций.¹ Так, фантастика и героика в сказках Кор-

¹ См. Е. Елеонская, Влияние местности на сказку. («Этногр. Обзор», 1915 г., I, с. 38).

гуева навеяны рыбацким бытом и природой карельского Беломорья: в сказках Куприяники возникают черты южнорусской природы и южнорусского быта. В сказках Е. И. Сороковикова, которым посвящен настоящий сборник, раскрываются перед слушателем и читателем величественные образы могучей и прекрасной сибирской природы: суровая тайга, величавые снежные гольцы, чарующие горные долины, словом — все, чем так щедра и богата его родина — Тункинская долина. А в обликах основных героев его сказок отчетливо проступают очертания его земляков — тункинских охотников и тункинских земледельцев.

Тункинский край¹ принадлежит к числу самых живописных и привлекательных мест не только Сибири, но, можно сказать, и всего Советского Союза. Местные жители называют свой край «сибирской Швейцарией», а один из старых сибирских бытописателей восхищенно писал о нем как о «райском уголке Восточной Сибири». В центре этого «райского уголка» находится Тункинская долина.

Тункинской долиной называют приречную долину реки Иркут; это — своеобразная котловина, замкнутая цепью гор, отделенная от основной части края массой горных перевалов, глубокими падами и быстрыми горными речками, кажущимися в жаркую пору мелкими ручейками, но быстро превращающимися в бурные и сокрушительные потоки, ломающие мосты, заливающие пастбища, уносящие скот, а порой и прибрежные строения.

Тункинские горы — в научной литературе теперь прочно утвердилось за ними название: Тункинские Альпы (а по местному — «Тункинские гольцы» или «Тункинские белки») — не раз привлекали восторженное внимание путешественников: о них писали П. А. Ровинский, П. А. Кропоткин, Н. М. Астырев и другие. Известный путешественник и этнограф, приезжавший в Сибирь со смелыми замыслами освобождения Чернышевского, П. А. Ровинский так описывал эту снежную цепь: «Гольцы снежными вершинами окаймляют долину, врезаясь в синеву неба, и совершенно напоминают Альпы. Вершины их блестят и, кажется, разливают от себя свет, а середина и низ темнеют под пеленою тумана; у подножия их стелется равнина, усеянная невысокими холмами, вершины которых покрыты лесом, — между ними там и сям блестят полосы воды; узкою лентою вьется по этой равнине речка Тунка, сверкая, как золотом, наполняющими ее слюдными частицами, и сливается с широкою половою Иркут». ²

«Помню, однажды вечером, — передает свои впечатления другой путешественник, — когда уже было темно, я приехал в один бурят-

¹ Мы употребляем понятие «край» не в административном понятии, а лишь в географо-этнографическом. В настоящее время Тунка с окрестными селениями составляет часть Тункинского аймака Бурят-монгольской АССР. Районным центром служит г. Кэрэн. Тунка находится в южной части Иркутской области, в 120 км. от озера Байгала и в 70 км. от монгольской границы.

² П. А. Ровинский, Очерки Восточной Сибири. «Древн. и новая Россия», 1875 г., № 11, с. 233.

ский улус, самый дальний из тех, которые расположены в местности, называемой Коймарами,¹ и, как мне говорили, лежащий всего в 2—3 верстах от подножья белков; переночевав, я при первом проблеске зарю вышел из избы... и замер, пораженный неожиданным зрелищем: прямо передо мною, подавляя своей массой, высилась и циприлась, покуда глаз хватал, огромная каменная громада, еще мрачная ввиду, где царствовали предутренние сумерки, и уже начинавшая светлеть на высоте, — там, где клубились, свертывались, разворачивались и извивались, как гигантские змеи, длинные полосы и мягкие толщи утреннего тумана. Граница мрака постепенно спускалась книзу, уступая свету, и каменная громада все ярче окрашивалась в цвета радости и юности — розовый и голубой; кое-где разрывалась на время завеса туманов, давая возможность жадно заглянуть туда, в манящую высь, где гордо красовались, ослепительно сияя под лучами утреннего солнца, острорубые вершины хребта; синими и темно-фиолетовыми полосами, в виде геометрических фигур, преимущественно треугольников, обращенных одним углом книзу, вырисовывались ущелья и расселины, составляя эффектные контрасты с светлыми бликами вершин; и всему этому калейдоскопическому рисунку мрачных и нежных, темных и ярких красок служило бледно-голубое утреннее небо... Картина была роскошная, способная поразить своими эффектами жителя равнинных, однообразных местностей России.

Хотелось бы вечно глядеть на эту величавую красоту горных вершин, наблюдать переливы красок и теней на их выступах и в расселинах, хотелось громко восторгаться изяществом то волнообразной, то причудливо-изломанной линии контура хребта, как будто резцом проведенной на лазурном фоне небес».²

Тункинские «гольцы» играют огромную роль в творчестве Е. И. Сороковикова, составляя фон чуть ли не всех его сказок. В «гольцах» охотятся и блуждают его герои, в них гнездятся разные чудища, и даже тогда, когда сказочник ни единым словом не упоминает ни о «гольцах», ни о тайге, их величие и красота отчетливо ощущаются в самом колорите сказок.

Аборигенами края были тунгусы (эвенки); в XVII веке здесь расселились буряты; во второй половине XVII века появились русские. Первоначально это были представители русского вольного населения, стремившегося проникнуть за пределы Байкала. В 1709 году был построен «тункинский острог» (собственно тункинская крепость), население которого и явилось первыми «посельщиками» или «засельщиками» края. Состав населения первой крепости был — 150 казаков гарнизона; около крепости же было учреждено селение в 21 двор. Отсюда и ведет свое начало Тунка.

Но постепенно Тунка утрачивала свое военное значение и военное положение; утрачивало свой военный характер и население, и уже во вторую половину XVIII в. в Тунке создавалось особое крестьянское общество, подчинившееся, однако, военному начальнику.

¹ Улус Коймары упоминается в сказке Е. И. Сороковикова (№ 35).

² Н. М. А ст ы р е в, На таежных проталинах. М. 1801, с. 12—13.

Это военное управление местным краем прекратилось только с XIX века.

С середины XIX века в крае появились новые колонизаторы: так называемые «кадеты» или «сынки», т. е. штрафные солдаты, которых правительство направляло сюда из разных мест Западной и Восточной Сибири. Сначала их перечисляли в казачье сословие, а позже они были обращены в крестьян.

Наконец, рядом возникло «ясашное» население, образовавшееся из брачных союзов бурят и русских и представляющее собою, как и в других частях Восточной Сибири, здоровое и крепкое население. Об этом новом типе русского населения с изумлением и восторгом писал еще П. А. Кропоткин. «Особенно поразила меня бойкость ясачных» — записал он в своем дневнике. «Это выйдет очень хороший народ. Это население, пожалуй, лучше будет наших тунковских казаков — удалство, решимость, веселость. Все они черноволосы, черноглазы... очень трудолюбивы».¹ Ясачным по своему происхождению является и Е. И. Сороковиков—Магай.

В этих местах, в селении Ближний Хобок² и родился наш сказочник, Егор Иванович Сороковиков. Предки его были буряты и носили родовое имя: Магай. Отец его, Иван Сороковиков, был, видимо, человеком замечательным: он был знаменитым охотником и прославленным сказочником, слушать которого съезжались из разных селений и улусов. Он одинаково владел и русским и бурятским языком и рассказывал сказки на обоих языках; он знал и русские и бурятские сказки, знал бурятские былины (улигеры) и, кроме того, любил рассказывать по-бурятски русские сказки и бурятские — по-русски. Был он вместе с тем и хорошо грамотен и сам научил читать и писать своего любимца, младшего сына Егора, который перенял от отца и любовь к чтению, и страсть к охоте, и талант сказителя-сказочника, и владенье обоими языками. Впрочем, талант рассказчика унаследовали в большей или меньшей степени все его дети, но настоящим «посказателем» стал только Егор Иванович.³

¹ Дневник П. А. Кропоткина, ГИЗ, 1923, с. 205—206. Цитата приведена в сокращенном виде. Ясачной была и ленская сказочница Н. О. Винокурова; см. замечания о ленских ясачных в статье, предпосланной ее текстам в издании 1925 г. (М. Азадовский, Сказки Верхнеленского края, вып. I, с. IX—X); специально типу сибирских ясачных посвящено небольшое, но очень ценное исследование проф. К. Н. Миротворцева «Иркутские ясачные в освещении статистических цифр. Статистический этюд», Иркут., 1923 г.

² Цаган-Нурского сельсовета Тункинского аймака.

³ Е. И. Сороковиков очень часто вспоминает отца и его манеру рассказывать сказки. «У отца как-то красноречивей выходило. Очень красноречивой был напротив меня» (см. «Русские сказки Восточной Сибири». Сборник А. Гуревича, с. XVIII). Тот же собиратель приводит следующее высказывание Е. И. Сороковикова: «Большие длинные сказки — это все отцовское. Длинные сказки не запомнишь, если прослушаешь раз-два. Запомнить так очень трудно. Отец часто рассказывал. Он любитель был» (ibid., с. XIX).

Родился он в 1868 г. и два года тому назад отпраздновал уже свое семидесятилетие, но он еще и сейчас бодр и крепок, все еще неутомим и в крестьянской работе, и на охоте, и особенно в рассказывании сказок. Сказки рассказывать он начал еще мальчиком и очень скоро стал популярным и любимым сказочником своего села. Рассказывал он, по его словам, всюду, где только приходилось: на работе, на мельнице, у себя дома, у соседей. К тому же он был певцом и музыкантом, любителем и знатоком старой народной песни.¹

Основное занятие его было всегда земледелие, но более всего он любил охоту. Он охотился на белку, «промышлял» соболя, хаживал и на медведей и на кабанов; особенно же любил он быть проводником в тайге: он сопровождал партии землемеров, лесоустроителей, геологов, бывал проводником в научных экспедициях. Тайгу он знает так, как знают городские жители улицы своего города или, вернее сказать, как каждый знает свой дом. Он никогда и нигде не заблудится, ни в каком лесу, ни в какой тайге: днем он ориентируется по солнцу, по цвету коры деревьев, по их наклону, по расположению листьев, по характеру травы, ночью — по звездам.

В сказке «Чудесные небесные птицы» охотник Степан учит своего сына, как ориентироваться в тайге. «И стал он его водить и показывать, где какой кустик или пенек, и велел он сыну примечать: «это тебе пригодится». Младший брат Федор (в сказке «Как охотник Федор японцев прогнал») на охоте «все замечает: кустик ли ему попадается или какое-нибудь дерево и куда оно якренится». Все это черты автобиографические.

Охота и проводничество были потому любимыми занятиями Е. И. Сорокикова, что давали ему возможность быть ближе к природе. Он о себе сказал однажды теми же словами, которыми характеризовал одного из героев своих сказок: «люблю наблюдать всю природную жизнь».

Эта страсть к охоте соединена у него с другой: со страстью к чтению. Он с детства полюбил книгу и не только много и охотно читал, но даже покупал книги. В богатой Тунке можно было найти в прошлом немало крестьянских домов с разнообразными признаками чисто городской культуры: граммофоны, дорогая посуда, городские скатерти и салфетки и т. п. Культурность Егора Ивановича особого типа. У него в избе не было ни граммофонов, ни дорогой посуды, но был полевой бинокль и была небольшая библиотечка. В ней были книги по лугководству, полеводству, домашние лечебники, при-

¹ О нем как о музыканте существует специальная заметка Г. В. (Г. С. Виноградова) «Музыканты в Тункинском крае. Из записей фольклориста», «Сиб. Жив. Стар.», вып. V, Ирк., 1926, с. 38—40: «Сам Егор Иванович — хороший настройщик и игрок». Его репертуар, выполняемый на скрипке, содержит две польки, краковяк, малороссийского казачка, За гаем-гаем..., По улице мостовой..., комаринского, Выйду ль я на реченьку, Во саду ли в огороде, Сени мои сени, За Кубанью-рекой, Стеньку Разина, За реченькой слободушка стояла, Вани разудала голова, Как по улице молодец идет, все свадебные песни» (стр. 39).

ложения к «Ниве», «Северу». Он, между прочим, пользовался сла-
вой «лекаря», и действительно, у него всегда можно было полу-
чить медицинский или просто гигиенический совет. Но он лечит
не как «знахарь» — не травами и наговорами, но по книгам, т. е.
по разного рода лечебникам. С местными же «знахарями» и
«колдунами» он все время вел упорную и порой весьма успешную
борьбу.

Начитанность его очень велика: он прочел много исторических
романов; ему прекрасно известны имена Пушкина, Ершова, Гоголя;
он читал Фламариона и даже Владимира Соловьева.

Все это, конечно, делало его несколько обособленным в своей
среде и очень отражалось на его материальном благосостоянии. Охот-
ником он был по призванию, охотником-поэтом, и потому мало ду-
мал об охоте как об источнике дохода. Его хозяйство шло с трудом.
Работников же он не имел, да и не на что было, и, таким об-
разом, всю жизнь находился в тисках нужды и всегда принадлежал
к бедняцкому слою населения, тогда как кругом в старой Тунке бу-
шевали предпринимательские страсти и жажда наживы. В Тунке с
особой силой и яркостью сказалось расслоение старой сибирской де-
ревни. Близость к Монголии включила Тунку в орбиту русско-мон-
гольской торговли: многие местные крестьяне занимались извозом,
гоньбой скота, держали квартиры для проезжающих купцов и их слу-
жащих, сами занимались торговлей и особенно торговлей скотом.
В десятых годах нашего века в Тунке было несколько кожевенных
заводов, много лавок, напоминавших по внешнему виду городские
магазины, и несколько винных заведений. Многие деревни, особенно
по дороге от Тунки к границе Монголии, существовали главным об-
разом благодаря торговле скотом.¹ Таким образом в Тунке скла-
дывались большие состояния и быстро развивалась мощная кулац-
кая среда, владевшая большим количеством пахотной и луговой
земли.

Старым бытописателям основным свойством края представлялось
добольство. Но в действительности, дело было гораздо сложнее. Ста-
рые бытописатели не сумели достаточно внимательно взглянуть в ме-
стную жизнь, не заметили классового расслоения деревни, бедняцких
хозяйств, страдавших от невылазной экономической кабалы, в которой
держали их тункинские богатеи. Классовые противоречия в старой
Тунке были достаточно обнажены, тем более, что там на почве борь-
бы за земельные наделы сталкивались интересы различных групп на-
селения. Это социальное расслоение нашло отголосок и в сказках Со-
роковикова. Его любимые герои — охотники; все они испытали тя-
гость суровых условий. Их основное свойство — неудовлетворенность:
Иван-царевича тяготит царская жизнь; Иван-купеческий сын неудо-
влетворен купеческой жизнью; молодой охотник Ваня с неохотой жи-
вет в деревне и предпочел бы всю жизнь проводить в тайге. В по-
вествовательных своих сказках он с особенной охотой разрабатывает
сюжеты издевки хитрого мужика-бедняка над богатыми, скупыми при-
скаателями или кулаками-крестьянами, и, само собой, в его репер-
туаре нашли место и популярные сказки о жадных и любострастных
попах и архиереях.

¹ См. М. Цветков, Тункинский край, СПб. 1911, с. 5.